

В начале зимы на горе Чанмин выпал первый в этом году снег. Этот сильный снегопад, пришедший раньше обычного, за одну ночь укрыл землю белым покрывалом, растянувшимся на сотни ли; небо и земля слились в один цвет.

На заснеженной горной дороге вдруг шевельнулся небольшой сугроб, и из него высунулась круглая головка. Это был маленький лисёнок. Его шерсть была очень красивого ярко-красного цвета, лишь кончики ушей и хвоста украшала немного белая пушистая шерстка. Он был очень маленьким — примерно с новорождённого лисёнка, — но хвост у него был длинный и пушистый.

Выбравшись из снежной ямы, лисёнок огляделся в растерянности, словно только что проснулся. Затем поднял головку, широко зевнул, сел на снег, а пушистый хвост обвил вокруг себя, почти полностью прикрывая тело.

Шлёп — снежок ударил лисёнка по голове.

Лисёнок ещё не до конца проснулся, поэтому вздрогнул ушами от испуга, а затем услышал пронзительное птичье чирканье.

— Ли Жуань, ну и медленным же ты стал, как только тебя отбросило обратно в первоначальную форму.

Это была маленькая синица, покрытая густыми тёмно-старыми перьями; её тонкие хвостовые перья задорно загибались, а сама она прыгала по ветке вверх-вниз:

— Раньше ведь такой могучий был! Столько грома мог привлечь!

Лисёнок стряхнул снег с головы и лениво прищурился. Он быстро скатал лапками в снегу снежок, развернулся и ловко взмахнул хвостом.

С коротким «чирк!» снежок угодил прямо в синицу, сбив её вниз. Она кубарем скатилась с ветки, оставив в снегу маленькую круглую ямку.

— Хмф.

Лисёнок даже не посмотрел в её сторону, снова завернул хвост и аккуратно поставил на него передние лапки. Долго сидеть в снегу — лапки слегка замёрзли.

Лисёнка звали Ли Жуань, и он был лисом-оборотнем.

По крайней мере, ещё полмесяца назад он им был.

Ли Жуань пришёл на гору Чанмин триста лет назад. По его собственным словам, Чанмин — у подножия столицы и выше жил дракон, а потому богат духовной энергией, наиболее подходящей для практики и вознесения.

Действительно, духовной силы тут хватало: большинство зверей на горе Чанмин уже обрели духовное сознание, а многие и вовсе стали духами, живущими в горах и практикующими их.

Что же до вознесения — никто никогда не видел, чтобы оно действительно случилось, так что верить этому или нет — неизвестно.

Только Ли Жуань. Он мог вызывать небесную молнию в любой момент и был твёрдо уверен, что если переживёт девяносто девять и восемьдесят один громовой трибун, то сможет вознестись в мир бессмертных.

Жаль, что за триста лет, что он жил на горе Чанмин, он пробовал не меньше десятка раз, но каждый раз лишь превращал гору в руины — и без всякого результата.

Зато маленькие звери, живущие здесь, недолюбливали его всё больше.

Кому понравится сосед, который в любой момент может превратить твой дом в грудку камней?

Однако сила Ли Жуаня была огромна, и как бы звери ни недолюбливали его, никто не смел ничего ему сделать.

До тех пор, пока полмесяца назад Ли Жуань не попытался пережить очередную молниевую катастрофу — и был расколот небесной молнией, вернувшись в свою истинную форму. Такой, какой он был сейчас.

Синица выбралась из снежной ямки, но, похоже, не слишком рассердилась. Она взмахнула крыльями и приземлилась перед Ли Жуанем, вытянув шею и тоненько вскрикнув:

— Ты ведь и правда ждёшь кого-то? Неужели кто-то действительно придёт?

Ли Жуань даже не повернул головы, глядя на конец горной тропы:

— А-сюэ сказал ждать здесь — значит, я буду ждать.

А-сюэ был другим лисом-оборотнем, жившим в пещере южнее и, по слухам, практиковавшей почти тысячу лет.

Кости Ли Жуаня были полностью разрушены небесной молнией, и он не мог продолжать

практику. Поэтому ему оставалось только обратиться за помощью к великому оборотню, который практиковал тысячи лет.

И великий оборотень дал ему один совет:

Совместная практика с другим, поглощение его сущности.

Это не редкий метод в среде демонов.

Сущность смертных, достигшая равновесия инь-ян, полезна для культивации клана оборотней, а двойная практика делает её ещё эффективнее. Из-за этого случаи, когда оборотни высасывают человеческую духовную сущность, в мире смертных происходят довольно часто.

Но сейчас Ли Жуань полностью утратил свою ману, да и был ранен так сильно, что в первые дни после проваленной попытки пройти трибун едва мог ходить. Как же ему спуститься с горы и притащить какого-нибудь смертного?

К счастью, великий оборотень снова подсказал ему выход.

Просто спокойно ждать.

Вот с того самого дня Ли Жуань и приходил на эту горную дорогу каждый день. Иногда, устав от ожидания, он засыпал под деревом, а проснувшись — снова ждал.

Так было и вчера вечером: он случайно заснул под деревом, а проснувшись, обнаружил, что его занесло толстым слоем снега.

— Но я слышала, что люди считают гору Чанмин запретным местом и уже много лет сюда никто не заходил, — звонко чирикнула синица в холодном утреннем воздухе. — Сколько ты ещё собираешься ждать?

Гора Чанмин богата духовной энергией, поэтому всё здесь одушевлено, и живёт множество диких зверей. Сотни лет назад это было императорское охотничье угодье.

Император того времени любил охотиться и часто приезжал сюда, истребляя множество существ.

Позже из южных гор вышел великий оборотень А-сюэ, который живёт там и сейчас. Неизвестно, какой именно метод он использовал, но вскоре император издал указ упразднить охотничьи угодья и запретить кому бы то ни было приближаться к ним. С тех пор сменилось уже несколько династий, но название «запретная зона Чанмин» сохранилось, и сюда больше никто не вторгался.

Ли Жуань тоже слышал об этом, но если А-сюэ сказал ему ждать спокойно, значит, на то была причина.

— Я вот что скажу... может, тебе и не надо взлетать в небеса? — синица ходила туда-сюда перед Ли Жуанем, задрав хвостовые перья; её походка была неровной, и на снегу оставалась цепочка мелких следов. — Подумай сам: А-сюэ практикует уже тысячу лет, и я ни разу не слышала, чтобы какой-нибудь оборотень смог вознестись. А ты сколько практикуешь? Даже если вознесение и правда существует, разве очередь может дойти до тебя?

— Если ты не вознесёшься... — синица пригладила перышки на груди и тихо прошептала: — Мы ведь сможем оставаться друзьями.

Последние слова синицы были слишком тихими — Ли Жуань их не расслышал. Но даже если бы расслышал, они всё равно не смогли бы поколебать его решимость.

— Я хочу вознестись, — сказал Ли Жуань.

— Почему? — синица топнула лапкой от злости. — Что вообще хорошего в этом вашем вознесении?

Ли Жуань спросил в ответ:

— А что в нём плохого?

— Ты! — синица никак не могла найти слов, долго пытала, а потом с раздражением выпалила: — Все правы: тебе молния мозги повредила! Глупый лис!

Бросив эти слова, она хлопнула крыльями и улетела.

Ли Жуань смотрел, как маленькая чёрная точка исчезает среди бескрайних гор, и недоумённо моргал, не понимая, почему она снова разозлилась.

На горе, только что укутавшейся снегом, было очень холодно. Ветер, несущий снежинки, шевелил пушистую шерсть лисёнка, отчего он дрожал всем телом.

Холодно...

Ли Жуань опустил голову и лизнул озябшие лапки, затем снова посмотрел на конец горной тропы.

В такой холод, конечно же, никто не должен заходить в горы.

И бурчание...

Ли Жуань потерял лапкой свой живот. После того как он вернулся к истинной форме, он уже не мог пользоваться заклинанием, позволяющим обходиться без еды. Он не ел целые сутки.

Правда голоден.

Ли Жуань принял решение всего за несколько вдохов: стряхнул снег с тела, развернулся и направился в глубь гор.

Гора Чанмин — непрерывная цепь высоких гор, расположенных в трёхстах ли от столицы. До того, как императорский дом приказал закрыть доступ в горы, здесь была тропа, по которой местные жители поднимались собирать травы и дрова. Место, где Ли Жуань ждал кролика, было на пути, ведущем в горы. А его место практики и жилище находились на дне глубокого ущелья.

Ущелье окружено горами с трёх сторон, а в его глубине бьёт горячий источник. Благодаря этому внизу зимой тепло, а летом прохладно; тень густая и уютная.

До прихода Ли Жуаня эта пещера принадлежала духу хорька. Но тогда хорёк только-только обрёл духовное сознание и практиковал всего несколько десятков лет, так что против Ли Жуаня ему было не устоять.

Ли Жуань избил его и занял пещеру.

Закон джунглей: сильный пожирает слабого — таков мир оборотней.

С дикой фазаньей тушкой, пойманной по дороге, зажатой в зубах, Ли Жуань подпрыгивающей походкой направился в свою пещеру.

В ущелье снега было немного, и когда солнце поднимется выше, он весь растает. Ли Жуань нарочно наступал на те участки, где снег ещё лежал ровным слоем, оставляя на нём следы лап — ему это очень нравилось.

И тут он резко сел, увидев что-то перед входом в пещеру.

Почти уже мёртвый фазан упал на землю и попытался ускользнуть, но Ли Жуань больше не обращал на него внимания.

На снегу неподалёку лежал чёрный комок. Неизвестно, сколько он уже там пролежал; его тело было занесено снегом.

Похоже... человек?

Цзян Шэнь был уверен, что в этот раз обречён.

В последние годы ситуация в Поднебесной была нестабильной: сначала — бесконечные пограничные войны, затем — эпидемии и голод на юге. Цзян Шэнь, отправившийся на юг помогать пострадавшим, был внезапно тайным письмом отозван обратно в столицу. Но, приблизившись прошлой ночью к горе Чанмин, понял, что попал в ловушку.

Кто-то устроил засаду у самой столицы, желая избавиться от него раз и навсегда.

Цзян Шэнь — сын императора, рождённый наследным принцем. С момента его появления на свет бесчисленное множество людей желало его смерти.

А в последнее время здоровье нынешнего Святейшего резко ухудшилось, и это заставило многих потерять терпение.

Прошлой ночью Цзян Шэнь был вынужден свернуть к горе Чанмин, но всё равно не смог уйти от преследования убийц. Более десятка его телохранителей пали в бою, а сам он случайно сорвался со скалы.

Падая с такой высоты, он был обречён.

Но сейчас...

Цзян Шэнь понимал, что всё ещё жив.

Пронизывающий холод, охвативший всё тело, притуплял боль, но то, что давило ему на грудь, ощущалось совершенно отчётливо — игнорировать это было невозможно.

Очень лёгкое, мягкое, тёплое — словно живое.

Маленькое существо осторожно ступало ему на грудь сквозь несколько слоёв одежды.

Похоже на лапки какого-то маленького зверька.

Цзян Шэнь вдруг вспомнил жирного дворцового кота, который любил наступать людям на грудь, урчать и ластиться. Но то, что стояло на нём сейчас, было намного легче.

Неизвестно, то ли оно само было слишком слабым, то ли просто боялось причинить ему боль.

Цзян Шэнь не стал действовать поспешно.

Даже в столь невыгодном положении он сохранял пугающее спокойствие. Он намеренно дышал очень тихо, делая вид, что всё ещё без сознания.

Но существо на его груди не уходило. После того как немного потопталось, оно вообще бесцеремонно завалилось прямо ему на грудь.

Цзян Шэнь: — ...

Тёплое дыхание маленького зверька коснулось его лица. Некоторое время они лежали так, словно играя в молчаливое соревнование — но первым сдался Цзян Шэнь.

Ничего не поделаешь: он не знал, насколько тяжело ранен, но ясно ощущал, что не может пошевелиться, а сознание уплывает.

Если медлить дальше, он действительно умрёт.

Цзян Шэнь осторожно выдохнул и медленно открыл глаза.

И встретился взглядом с парой ярких, чистых глаз.

Эти глаза были удивительно красивыми — узкие, длинные, но круглые зрачки, чистейшего насыщенного алого цвета.

Цзян Шэнь моргнул.

Маленькое существо, лежавшее у него на груди, тоже моргнуло.

Ли Жуань прожил сотни лет, но, наверное, это первый раз, когда он оказался так близко к смертному.

Да ещё к такому красивому смертному.

Лисы-оборотни от природы красивы: Ли Жуань считал, что его человеческий облик хорош, а Асюэ, живущий на юге, — и вовсе ослепительный.

Но этот человек выглядел иначе.

Хотя он был весь в крови, волосы растрепаны, завязаны в беспорядочный узел, его лицо выделялось чёткими линиями. Косые брови, доходящие до висков, высокая переносица — как бы он ни был измотан, утратить благородный облик ему было трудно.

Наверное, в народе именно таких и называют «непревзойдённо прекрасными».

Так подумал Ли Жуань.

Очень хорошо. И красивый, и смотреть приятно — даже для двойной практики.

Ли Жуань был крайне доволен этим богом посланным тиглем.

Но его собственного удовлетворения недостаточно.

А-сюэ говорил ему, что большинство людей боятся оборотней, а особо пугливые могут умереть от страха сразу.

А человек перед ним действительно был слабым: весь в ранах, держится буквально на последнем дыхании.

Нельзя допустить, чтобы он умер от испуга.

С такими мыслями Ли Жуань наклонил голову и самым вежливым тоном, на который только был способен, мягко спросил:

— Привет, ты не мог бы со мной заняться двойной практикой?

Цзян Шэнь: — ...

Цзян Шэнь: — ???

<http://bllate.org/book/14444/1277221>